

УДК 94(73)“1775/1789”

## ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США ДО 1776 Г.: ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Дорофеев Д. В.*

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
Email: dorof-denis@yandex.ru*

Анализируется генезис внешней политики США до провозглашения независимости 4 июля 1776 г. в рамках развития Вестфальской системы международных отношений. В ходе исследования было установлено, что «европейская модель» заложила системные основы внешней политики Соединенных Штатов: европоцентричность внешней политики; препятствие установления доминирования любой державы в Северной Америке; монополия государства на владение внешнеполитическими инструментами; непринятие иерархического контроля европейских держав; механизм ратификации международных договоров представительными органами власти; обезличенность при заключении международных соглашений; детализация сроков заключения договоров с иностранными государствами; уменьшение влияния религиозного фактора на формирование и реализацию внешней политики как следствие процесса развития светского государства; признание нелегитимности иностранного влияния на внутренние процессы; развитие постоянной дипломатии; принцип территориальности во внешней политике; участие в многосторонних конгрессах как механизме реализации интересов; формирование и соблюдение государственных интересов; использование альянсов; создание и поддержание положительного образа государства в международной среде; использование принципа баланса сил в реализации внешней политики; поддержание международного права; понимание важности границ в защите государственных интересов и в создании абсолютного суверенитета внутри государства; участие в конкуренции за экономические рынки и контроль над морскими и сухопутными коммуникациями; развитие морской мощи.

**Ключевые слова:** генезис внешней политики США, Вестфальская система международных отношений, Европа, XVI–XVIII вв.

Генезис внешней политики США проходил в период развития Вестфальской системы международных отношений после 1648 г. Соединенные Штаты как в колониальный период, так и после провозглашения независимости в 1776 г., были связаны с международными процессами в Европе.

В отличие от Азии, на протяжении 1500–1800 гг. на европейском континенте субъекты международных отношений предпринимали попытки установить доминирование, что вызывало сильнейшее противодействие. Эти процессы обусловили конкуренцию между европейскими государствами, которая была ключевой движущей силой международного развития [3, с. 176–177]. Еще до завершения Тридцатилетней войны и заключения Вестфальских договоренностей в Европе не было международной системы государств. Вместо нее шло соперничество за универсальное правление: термины «*monarchia universalis*», «*imperium*», «*Christianitas*» проявляют иерархическую модель, изображающую Европу в качестве универсального устройства, в котором правитель или династия брали на себя обязательства повысить свое положение в универсалистской системе власти [15, р. 30–62]. «К созданию своих собственных империй стремилось большинство европейских монархов. На протяжении тысячелетия

империи были доминирующей во всем мире формой правления. Однако в Европе они были вынуждены уступить поднимающейся после заключения в 1648 г. Вестфальского мира волне создания национальных государств» [4, с. 121]. В свою очередь, начало Войны за испанское наследство в 1702 г. ознаменовало доминирование национальных государств в Европе [4, с. 123]. В Мюнстере и Оснабрюке стала ясна невозможность далее придерживаться прежнего взгляда на Европу: она перестала быть универсально-иерархической единицей, поскольку ни одна из претендующих на доминирование держав не обладала возможностью установить свой контроль над европейским пространством [19, р. 26]. Рассматриваемые процессы имели прямое отношение к генезису внешней политики США: до 1776 г. закладывалось 1) становление государства-нации в североамериканском государстве и 2) неприятие стремления установить гегемонию иностранных держав в Западном полушарии.

В литературе дискуссию вызывает точка зрения, согласно которой договоренности 1648 г. являлись точкой отсчета функционирования современной системы международных отношений [32, р. 20–21; 46, р. 328–330]. Выдвинутая идея вызвала волну критики, которая в историографии получила название «Вестфальский миф» [13; 18; 22; 26; 33; 36; 39; 47; 49; 55; 56; 61; 66; 67].

Всплеск интеллектуальной дискуссии выдвинул альтернативный взгляд на начало международных отношений Нового времени. В частности, к таковой дате относят 1500 г. как: 1) рубеж между Средними веками и Новым временем в западноевропейской историографии [41, р. 2–3; 52, р. 264], 2) возникновение мир-системы [1, с. 3–7], 3) образование глобальной международной системы [20, р. 14], 4) нарушение баланса между цивилизациями и возвышение Западной Европы [45, р. 253], 5) начало развития капитализма [60, р. 95], 6) развитие отдаленных морских торговых коммуникаций между Европой, Америкой, Южной и Восточной Азией, за доминированием над которыми начали вести борьбу европейские державы: Испания, Португалия, Голландия, Великобритания и Франция [14, р. 23]. Также существуют предложения определить еще более ранние сроки качественных изменений: Ч. Тилли приводит 1490 г. [63, р. 38–45], а М. Уайт – 1494 г. как начало эры модерности, в которой преобладали государства-нации [65, р. 134].

Несмотря на дискуссионность темы, в историографии прослеживается тенденция к достижению консенсуса: рассматривать 1648 г. в качестве перехода к современной (современной) системе международных отношений. В частности, О. Асбах, Дж. Ларкинс, Х. Шиллинг, П. Шродер настаивали на том, что Вестфальские договоренности символизировали трансформацию: осуществлялся переход от системы политического устройства, основанной на иерархической структуре средневекового Христианства, к системе независимых суверенных территориальных государств. Средневековая иерархия сменялась современной анархией: преобладала не вертикальная, а горизонтальная структура международных отношений [3, р. 11; 11, р. 4–5; 37, р. 5–6; 53, р. 3–7].

Фактически 1648 г. выступает удобной датой для формального отсчета современной системы международных отношений, в то время как более точная дата остается дискуссионной. Д. Баучер посчитал целесообразным различать историческое и символическое понимание 1648 г. [16, р. 560–562]. Тем не менее попытки совместить

процессы и даты рубежа XV–XVI вв. и середины XVII в. имеют место. М. Манн и А. Г. Франк – 1477 г. [28, р. 165; 42, р. 56]. М. Уайт относил корни современной системы международных отношений ко времени Констанцкого собора в 1494 г., а Вестфальские договоренности – как зрелость этого процесса [65, р. 134–135]. Близкую позицию занимают Б. Бузан и Р. Литтл, предложившие комбинированный подход: 1500 г. рассматривается в качестве первичного поворота, который характеризуется как появление нового доминирующего блока – Западной Европы, современного государства и возникновение почти глобальной международной системы, связывавшей Евразию и Америки, а также вероятное начало капитализма и индустриализации; в свою очередь, 1648 г. выступает началом появления новой международной социальной структуры, в которой преобладает современное государство [20, р. 405–406]. Х. Шиллинг предложил рассматривать период с 1250 г. по 1750 г. временем, когда возникает государство-нация как основной субъект международных отношений Нового времени [54, р. 2–5]. Б. Тешке рассматривал Вестфальский мир (1648 г.) в неразрывной связи с Пиренейским миром (1659 г.), которые изменили международную систему: биполярное противостояние Габсбург-Валуа и Бурбонов трансформировалось в многополярную систему «пентархии», которая окончательно оформилась к середине XVIII в. [7, с. 129].

Рассматриваемая дискуссия важна для изучения генезиса внешней политики США, поскольку она показывает, что колониальный период североамериканского государства совпал со временем возникновения и развития Вестфальской системы международных отношений. Британская Северная Америка не была изолирована от политических процессов через Атлантику: постепенно к концу XVII в. регион стал частью европейского баланса сил. Противостояние держав Старого Света отражалось на политических и геополитических процессах в британских колониях Северной Америки. «Пристегнутость» североамериканского региона к Европе была неоспоримой и в международных процессах: миграция, торговля, договора. В свою очередь, процесс развития государства-нации в Великобритании осуществлялся и на ее периферии: империя, как «кузница мира», распространяла модерный тип государства как модель развития в своих колониях. В результате становление государства-нации в США было предопределено.

Также оживленную дискуссию в историографии вызывает идея, согласно которой в 1648 г. была установлена и система международных отношений, в частности и международный порядок в целом [46, р. 328–330]. По результатам исследований Х. Дитчхард сделал вывод о том, что и до, и после 1648 г. существовала «государственная система» – множество государств, поддерживающих постоянные отношения в различных областях взаимодействия: политика, дипломатия, культура и экономика. Как до, так и после Вестфальских договоренностей в государственной системе ее акторы не ставили перед собой конечную цель в виде уничтожения самой системы или ликвидации друг друга [24, р. 2–3]. В реальности «Вестфальский мир» не создал международный порядок, обладавший эффективным механизмом и нормами по разрешению конфликта и управлению порядком, став, таким образом, частным (центрально-европейским), но не всеобщим (континентальным) порядком [23, р. 313–

314]. В 1648 г. были созданы лишь отдельные механизмы стабильного международного порядка: право Франции и Швеции вмешиваться для поддержания соблюдения положений мирных договоров и ассимиляция Габсбургов к мировому порядку во избежание новых войн. Не были созданы межгосударственные и надгосударственные институты. Вестфальские договоренности не создали общий мир на основе взаимных обязательств, ограничивавших применение силы. Не был выработан правовой механизм, регулирующий отношения между державами Европы с разным состоянием мощи. Династические притязания как основная причина войн XVI–XVII вв. не были рассмотрены в качестве общей проблемы системы. Колониальные и морские темы остались без путей их разрешения. Не был создан ни консультативный механизм, ни система постоянных конференций, ни основа для международного сотрудничества. В итоговых соглашениях 1648 г. были зерна конфликта: Испания не приняла участие в окончательной подготовке Вестфальского мира, что сделало ее враждебной по отношению к Швеции и Франции, многие территориальные вопросы не фиксировались в тексте договора, закладывался геополитический реваншизм. На остальной части Европы практика Вестфальских договоренностей носила ограниченный характер: Балтийский и Балканский регион не стали зонами распространения вестфальских принципов. Они эволюционировали в автономные системы международных отношений, где анархия не была сдержана [35, р. 39–45].

Не создав комплексного, всеохватывающего международного порядка и системы, «Вестфальский мир» заложил элементы гипотетического международного порядка: примитивная система управления (гарантии Франции и Швеции), ассимиляция Священной римской империи, некоторые территориальные изменения служили примером решения спорных проблем легитимным путем. В целом, договоренности 1648 г. служили параметром для определения ограничений внешней политики государства, а также определения основ и контуров мирных переговоров на протяжении 1648–1713 гг. Также были легитимизированы принципы суверенитета и династической автономии от иерархического контроля и в то же время делегитимизированы все формы гегемонии и признаки иерархического контроля [35, р. 39, 44–45]. Вестфальские договоренности, несмотря на критику, поставили проблему ратификации международных договоров представительными органами власти и определение носителя суверенитета в государстве, обозначили отход от практики символических «вечных» сроков действия договоров и введение в практику более конкретных дат, международные соглашения стали обезличенными и не связанными с жизнедеятельностью первых лиц государств [25, р. 47–50]. Фактически Вестфальская система стабилизировала ключевые государства в Европе, позволив им создать новый правовой порядок [38, р. 43].

Расхождения взглядов не означает отсутствие консенсуса в историографии: исследователи сходятся во мнении о том, что Вестфальские договоренности 1648 г. стали поворотным пунктом в развитии международных отношений и формировании внешней политики, зафиксировав светское государство в качестве основного актора международных отношений [27, р. 444–445; 34; 51, р. 150; 53, р. 262; 59, р. 529–531; 64, р. 278–279], а также сигналом консолидации, но не созданием современной системы международных отношений, которая стала складываться в XV–XVI вв. [48, р. 206–

246; 65, p. 161–183]. Фактически после 1648 г. осуществлялась замена: на смену перекрестным отношениям, легитимность которых обуславливалась имперскими и церковными институтами, приходили формализованные отношения суверенных государств. В результате только государство приобрело монополию на контроль за такими инструментами внешней политики, как армия, дипломатия, договорная система [7, с. 24]. Фактически «Модель описывает структуру мирового порядка, состоящего из территориальных, суверенных государств, над которыми нет никакой высшей власти; государства самостоятельно улаживают возникающие в них конфликты, в том числе и силой, если это необходимо; они участвуют в системе дипломатических отношений, в противном случае сотрудничество с ними сводится к минимуму; они стремятся поставить свой собственный (национальный) интерес выше всех других; они признают справедливость принципа эффективности, т. е. принципа, который, в конечном счете, только и признается в сфере международных отношений; приобретенное становится законным» [2, с. 43].

В целом, Вестфальским миром закреплялись принципы международных отношений Нового времени: государственный суверенитет; исключительная территориальность; правовое равенство, секулярная политика; невмешательство; постоянная дипломатия; международное право; многосторонние конгрессы [7, с. 311]. Также правила, предпосылки и практика международных отношений в XVIII в. включали в себя: компенсации; выплаты; альянсы; *raison d'état* (государственные интересы. – Д. Д.); честь и престиж (формирование внешней политики было в большей степени подчинено династическим интересам и личности монарха, чем интересам народа той или иной европейской страны); Европа как семейство государств; принцип баланса сил [57, p. 7].

Несмотря на то, что Вестфальские договоренности не носили глобальный характер, на протяжении последующих двух столетий принципы действия и организации международной системы были распространены в Европе, а затем были перенесены в другие регионы мира и внедрены в международную практику [12, p. 264–267; 31, p. 3–7; 40, p. 8–12; 58, p. 4–8; 62, p. 24–30]. «Последующие мирные урегулирования заключались по образцу 1648 г. с одним важным отличием: на сцену выходят неевропейские империи. При этом хотя положение победителя или проигравшего при окончании войны определяло положение государства при начале переговоров, но границы и правители решительно менялись в момент самого урегулирования. На деле государства часто отдавали завоеванные ими территории в обмен на другие, более нужные им» [8, с. 244]. В контексте распространения Вестфальской системы британские колонии Северной Америки не были в стороне от этого процесса.

Структура международных отношений XVIII в., в частности, ставит перед исследователями проблему определения фундаментальных механизмов ее развития. Существует несколько вариантов интерпретации таковых механизмов: отрицание принципа гегемонизма, который преобладал и определял международные отношения до 1648 г. (Р. Гилпин) [30, p. 29]; международная анархия, баланс сил и силовая политика (Б. Тешке) [7, с. 311]; баланс сил, космополитическая дипломатия и ограниченные войны (А. Касселс) [21, p. 13]; противостояние ведущих государств Европы, особенно англо-французское соперничество (К. Понтинг, М. Шихан) [6, с. 656; 58, p. 97–

120]. Рассматриваемые оценки подчеркивают специфическую среду зарождения и становления внешней политики США, протекавшую в рамках Вестфальской системы международных отношений.

Производным развития государств-наций в XVIII в. стало обостренное ощущение раздельности мира на отдельные субъекты и важности роли границы в защите государственных интересов [5, с. 45], а также необходимость в меркантилизме, столь свойственном для развития Европы XVIII в. [9, с. 434]. Современные государства все чаще культивировали не размытые, а точные, жесткие границы и в пределах таковых они утверждали свой абсолютный суверенитет [20, р. 244–245]. И это имело отношение не только к сухопутным границам: государства стремились к исключительному контролю над морями за пределами береговых линий. Трансатлантические пути в период раннего Нового времени стали «территориализованными», то есть они должны были охраняться военными силами: разделение океанов не вело к установлению смежных морских пространств, а следовало пересекающимся линиям морской торговли. Вооруженные силы расчерчивали границы морского суверенитета. В этих условиях экономическая конкуренция приобретала форму военно-политического соперничества государств за рыночные монополии, колонии и торговые направления. Конкуренция становилась катализатором международных процессов и генезиса внешней политики государств раннего Нового времени. В XVI–XVII вв. понятие «суверенитет моря» обусловило противостояние «*mare clausum*» и «*mare liberum*», в процессе которого Англия, Голландия и Франция оспаривали морское преимущество Испании. Свобода морей не означала их деполитизацию и интернационализацию, а предполагала их разделение между ведущими морскими державами: практика «*mare liberum*» была привязана к системе конкурентного национального меркантилизма [7, с. 291]. Этот процесс во многом ужесточил внутреннее и внешнее строительство и функционирование международных отношений [20, р. 244–245]. Во многом рассмотренные процессы предопределили становление США в качестве морской державы.

На протяжении XVIII в. международные отношения, как и внешняя политика государств Европы, сохраняли династический характер, поскольку они по-прежнему оставались прерогативой монархических дворов [10, р. 80–94, 100–102, 119–123; 20, р. 252]. При этом следует отметить: «Международные отношения находились в руках элит, которые имели гораздо больше общего друг с другом, чем с населением собственной страны. Все они проходили классическое образование, которое могло быть, завершено Большим Туром по европейским культурным центрам; они говорили и писали на лингва франка, в восемнадцатом веке более на французском языке; монархи и аристократы свободно вступали в брак через государственные границы» [21, р. 11]. Этот нюанс дает возможность полагать, что международное соперничество протекало в рамках т. н. «солидаризма» европейских государств: международные процессы проходили в атмосфере общих ценностей и идеологический раскол практически был сведен к минимуму [17, р. 238–239]. Принимая во внимание дискуссионность этого тезиса, следует отметить, что знание дипломатического языка, общность социального статуса создавали предпосылки для того, чтобы был выработан механизм для решения международных проблем: начиная с подписания Вестфальского мира, в практику международных

отношений вошел механизм созыва конгрессов по окончании войн, на которых отрабатывался принцип всеобщих обязательств [43, р. 113; 44, р. 1]. В английских колониях Северной Америки между 1643 г. и 1774 г. состоялось порядка пятнадцати колониальных «ассамблей» и «конвентов», на которых обсуждались общие вопросы для колоний Северной Америки, включая внешнеполитические проблемы [29, р. 118–120]. Формально рассматриваемая практика созыва собраний стала источником опыта для колоний по вопросам изучения основ дипломатического процесса, который влиял на развитие отношений с европейскими державами и североамериканскими индейцами [50, р. 4–5].

Еще до провозглашения независимости в 1776 г. Соединенные Штаты Америки, будучи колониями Великобритании, развивались в рамках функционирования Вестфальской системы международных отношений. Именно «европейская модель» заложила фундамент генезиса внешней политики североамериканского государства в последней четверти XVIII в. Она обусловила системные и структурные компоненты, принципы и восприятие американскими элитами международных процессов и внешнюю политику.

В целом, Вестфальская система предопределила развитие внешней политики США. В колониальный период были заложены следующие базовые принципы, механизмы и элементы внешней политики Соединенных Штатов: европоцентричность внешней политики; препятствие установлению доминирования любой державы в Северной Америке; монополия государства на владение внешнеполитическими инструментами; непринятие иерархического контроля европейских держав; механизм ратификации международных договоров представительными органами власти; обезличенность при заключении международных соглашений; детализация сроков заключения договоров с иностранными государствами; уменьшение влияния религиозного фактора на формирование и реализацию внешней политики как следствие процесса развития светского государства; признание нелегитимности иностранного влияния на внутренние процессы; развитие постоянной дипломатии; принцип территориальности во внешней политике; участие в многосторонних конгрессах как механизме реализации интересов; формирование и соблюдение государственных интересов; использование альянсов; создание и поддержание положительного образа государства в международной среде; использование принципа баланса сил в реализации внешней политики; поддержание международного права; понимание важности границ в защите государственных интересов и в создании абсолютного суверенитета внутри государства; участие в конкуренции за экономические рынки и контроль над морскими и сухопутными коммуникациями; развитие морской мощи.

Пребывая в составе Британской империи, североамериканские колонии были частью Вестфальской системы международных отношений, что и заложило системные основы внешней политики США после провозглашения их независимости 4 июля 1776 г.

Список использованных источников и литературы

1. Валлерстайн И. Мир-система Модерна: в 4 т. Т. 2: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики. 1600-1750 / Иммануил Валлерстайн. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 528 с.  
Vallerstain I. Mir-sistema Moderna: v 4 t. T. 2: Merkantilizm i konsolidatsiya evropeiskogo mira-ekonomiki. 1600-1750 / Immanuil Vallerstain. – М.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2016. – 528 s.
2. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.  
Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura / D. Kheld [i dr.]. – М.: Praksis, 2004. – 576 s.
3. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / Джек Голдстоун. – М.: Издательство Института Гайдара, 2014. – 224 с.  
Goldstoun Dzh. Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500 – 1850 / Dzhek Goldstoun. – М.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2014. – 224 s.
4. Государственные и частные институты / Дэн Богарт, Маурисио Дрелихман, Оскар Гельдерблом, Жан-Лоран Розенталь // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени: в 2-х томах. Том 1: 1700–1870 / Под ред. С. Бродберри, К. О'Рурк. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – С. 118–160.  
Gosudarstvennye i chastnye instituty / Den Bogart, Maurisio Drelikhman, Oskar Gel'derblom, Zhan-Loran Rozental' // Kembriidzhskaya ekonomicheskaya istoriya Evropy Novogo i Noveishego vremeni: v 2-kh tomakh. Tom 1: 1700–1870 / Pod red. S. Brodberri, K. O'Rurk. – М.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2013. – S. 118–160.
5. Калхун К. Национализм / Крэйг Калхун. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.  
Kalkhun K. Natsionalizm / Kreig Kalkhun. – М.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2006. – 288 s.
6. Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд / Клайв Понтинг. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 958 с.  
Ponting K. Vsemirnaya istoriya. Novyi vzglyad / Klaiv Ponting. – М.: АСТ: Astrel', 2010. – 958 s.
7. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Бено Тешке. – М.: Изд. дом ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.  
Teshke B. Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozдание sovremennykh mezhhdunarodnykh otnoshenii / Beno Teshke. – М.: Izd. dom un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. – 416 s.
8. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Чарльз Тилли. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.  
Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva. 990–1992 gg. / Charl'z Tilli. – М.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2009. – 328 s.
9. Черняк Е. Б. Система международных отношений в Европе в XVIII веке (до 1789 г.) / Ефим Борисович Черняк // История Европы: в 8 т. – Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). – М.: Наука, 1994. – С. 430–456.  
Chernyak E. B. Sistema mezhhdunarodnykh otnoshenii v Evrope v XVIII veke (do 1789 g.) / Efim Borisovich Chernyak // Istoriya Evropy: v 8 t. – T. 4: Evropa novogo vremeni (XVII – XVIII veka). – М.: Nauka, 1994. – S. 430–456.
10. Anderson M. S. Rise of modern diplomacy / M. S. Anderson. – London: Hoboken: Taylor and Francis, 2014. – 331 p.
11. Asbach O., Schröder P. War, the State and International law in Seventeenth-Century Europe / Olaf Asbach, Peter Schröder // War, the state, and international law in seventeenth-century Europe / Ed. by Olaf Asbach, Peter Schröder. – Burlington: Ashgate, 2010. – P. 3–13.
12. Axtmann R. The State of the State: The Model of the Modern Nation State and its Contemporary Transformation / Roland Axtmann // International Political Science Review. – 2004. – Vol. 25, № 3. – P. 264–281.
13. Beaulac S. The Westphalian Legal Orthodoxy – Myth or Reality? / Stephane Beaulac // Journal of the History of International Law. – 2000. – Vol. 2. – P. 148–177.

14. Black J. Great powers and the quest for hegemony: the world order since 1500 / Jeremy Black. – New York: Routledge, 2008. – 273 p.
15. Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit / Franz Bosbach. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – 183 s.
16. Boucher D. Resurrecting Pufendorf and capturing the Westphalian Moment / David Boucher // Review of International Studies. – 2001. – Vol. 27. – P. 557–578.
17. Bull H. Anarchical Society: a study of order in world politics / Hedley Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 329 p.
18. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg / Johannes Burkhardt. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. – 307 s.
19. Burkhardt J. Wars of States or Wars of State-formation? / Johannes Burkhardt // War, the state, and international law in seventeenth-century Europe / Ed. by Olaf Asbach, Peter Schröder. – Burlington: Ashgate, 2010. – P. 17–34.
20. Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / Barry Buzan, Richard Little. – New York: Oxford University Press, 2000. – 452 p.
21. Cassels A. Ideology and international relations in the modern world / Alan Cassels. – New York: Routledge, 1996. – 320 p.
22. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty / Derek Croxton // International History Review. – 1999. – Vol. 21, № 3. – P. 569–591.
23. Duchhardt H. «Westphalian System». Zur Problematik einer Denkfigur / Heinz Duchhardt // Historische Zeitschrift. – 1999. – Bd. 269, h. 2. – S. 305–315.
24. Duchhardt H. Das Reich in der Mitte des Staatensystems. Zum Verhältnis von innerer Verfassung und internationaler Funktion in den Wandlungen des 17. und 18. Jahrhunderts / Heinz Duchhardt // Das europäische Staatensystem im Wandel: strukturelle Bedingungen und bewegende Kräfte seit der frühen Neuzeit / Hrsg. von Peter Krüger. – Munich: Oldenbourg, 1996. – P. 1–9.
25. Duchhardt H. Peace treaties from Westphalia to the Revolutionary Era / Heinz Duchhardt // Peace treaties and international law in European history: from the late Middle Ages to World War One / Ed. by Randall Lesaffer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 45–58.
26. Eyffinger A. Europe in the Balance: An Appraisal of the Westphalian System / Arthur Eyffinger // Netherlands International Law Review. – 1998. – Vol. 45. – P. 161–187.
27. Fischer M. Feudal Europe, 800–1300: communal discourse and conflictual practices / Markus Fischer // International Organization. – 1992. – Vol. 46, № 2. – P. 427–466.
28. Frank A. G. A Theoretical Introduction to 5000 Years of World System History / Andre Gunder Frank // Review. – 1990. – Vol. 13, № 2. – P. 155–248.
29. Frothingham R. The rise of the republic of the United States / Richard Frothingham. – Boston: Little, Brown and Company, 1910. – 640 p.
30. Gilpin R. War and Change in World Politics / Robert Gilpin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 272 p.
31. Grewe W. G. The Epochs of international law / Wilhelm G. Grewe. – Berlin, New York: W. de Gruyter, 2000. – 780 p.
32. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648–1948 / Leo Gross // American Journal of International Law. 1948. – Vol. 42, № 1. – P. 20–41.
33. Haggemacher P. La paix dans la pensée de Grotius / Peter Haggemacher // L'Europe des Traités de Westphalie : esprit de la diplomatie et diplomatie de l'esprit / Sous la dir. de Lucien Bély. – Paris: Presses universitaires de France, 2000. – P. 67–79.
34. Hall R. B., Kratochwil F. V. Medieval tales: neorealist «science» and the abuse of history / R. B. Hall; F. V. Kratochwil // International Organization. – 1993. – Vol. 47, № 3. – P. 479.
35. Holsti K. J. Peace and war: armed conflicts and international order 1648–1989 / Kalevi J. Holsti. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – 379 p.
36. Krasner S. D. International regimes / Stephen D. Krasner. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1993. – 372 p.
37. Larkins J. From hierarchy to anarchy: territory and politics before Westphalia / Jeremy Larkins. – New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 269 p.

38. Lesaffer R. Peace treaties from Lodi to Westphalia / Randall Lesaffer // Peace treaties and international law in European history: from the late Middle Ages to World War One / Ed. by Randall Lesaffer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 9–44.
39. Lesaffer R. The Westphalian Peace Treaties and the Development of the Tradition of Great European Peace Settlements prior to 1648 / Randall Lesaffer. – 1997. – Vol. 18. – P. 71–95.
40. L'Europe des traités de Westphalie: esprit de la diplomatie et diplomatie de l'esprit / Sous la direction de Lucien Bély. – Paris: Presses Universitaires de France, 2000. – 615 p.
41. Levy J. S., Thompson W. R. Hegemonic threats and great-power balancing in Europe, 1495–1999 / Jack S. Levy, William R. Thompson // Security Studies. – 2005. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 1–33.
42. Mann M. The Sources of Social Power: in 3 vols. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760 / Michael Mann. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 549 p.
43. Manuel F. E. Age of Reason / Frank Edward Manuel. – Westwood: PaperBook Press, 1993. – 199 p.
44. McKay D., Scott H. M. Rise of the Great Powers 1648–1815 / D. McKay, H. M. Scott. – London: Routledge, 2014. – 392 p.
45. McNeill W. H. The rise of the West: a history of the human community / William Hardy McNeill. – Chicago: University of Chicago Press, 1963. – 8298 p.
46. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / Hans Morgenthau. – New York: Alfred A. Knopf, 1985. – 688 p.
47. Osiander A. Sovereignty, International Relations and the Westphalian Myth / Andreas Osiander // International Organization. – 2001. – Vol. 55. – P. 251–287.
48. Philpott D. The religious roots of modern international relations / Daniel Philpott // World Politics. – 2000. – Vol. 52. – P. 206–246.
49. Piirimäe P. The Westphalian myth and the idea of external sovereignty / Pärtel Piirimäe // Sovereignty in fragments: the past, present and future of a contested concept / Ed. by Hent Kalmo, Quentin Skinner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 64–80.
50. Plischke E. U.S. Department of State: a reference history / Elmer Plischke. – Westport: Greenwood press, 1999. – 763 p.
51. Ruggie J. G. Constructing the world polity: essays on international institutionalization / John Gerard Ruggie. – London; New York: Routledge, 1998. – 312 p.
52. Ruggie J. G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis / John Gerard Ruggie // World Politic. – 1983. – Vol. 35, № 2. – P. 261–285.
53. Schilling H. Der Westfälische Friede und das neuzeitliche Profil Europas / Heinz Schilling, // Der Westfälische Friede : Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von Heinz Duchhardt. – München: De Gruyter, 1998. – S. 3–32.
54. Schilling H. Die neue Zeit. Vom Christenheitseuropa zum Europa der Staaten / Heinz Schilling. – Berlin: Siedler, 1999. – 558 s.
55. Schmidt S. To Order the Minds of Scholars: The Discourse of the Peace of Westphalia in International Relations Literature / Sebastian Schmidt // International Studies Quarterly. – 2011. – Vol. 55, № 3. – P. 601–623.
56. Schröder M. Der Westfälische Friede: eine Epochengrenze in der Völkerrechtsentwicklung? / Meinhard Schröder // 350 Jahre Westfälischer Friede: Verfassungsgeschichte, Staatskirchenrecht, Völkerrechtsgeschichte / Hrsg. von Meinhard Schröder. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – S. 119–132.
57. Schroeder P. W. The Transformation of European Politics, 1763–1848 / Paul W. Schroeder. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 894 p.
58. Sheehan M. The Balance of power. History and theory / Michael Sheehan. – London, New York: Routledge, 2007. – 226 p.
59. Spruyt H. Institutional Selection in International Relations: State Anarchy as Order / Hendrik Spruyt // International Organization. – 1994. – Vol. 48. – P. 527–557.
60. Stavrianos L. S. Lifelines from our Past: a new world history / Leften Stavros Stavrianos. – New York: Routledge, 2015. – 290 p.
61. Steiger H. Der westfälischen Frieden – Grundgesetz für Europa? / Heinhard Steiger // Der Westfälische Friede : Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von Heinz Duchhardt. – München: De Gruyter, 1998. – S. 33–80.

62. Strohmeier A. Theorie der Interaktion. Das europäische Gleichgewicht der Kräfte in der frühen Neuzeit / Arno Strohmeier. – Wien: Böhlau, 1994. – 276 s.
63. Tilly C. Coercion, Capital and European States AD 990-1990 / Charles Tilly. – Cambridge: Blackwell, 1990. – 269 p.
64. Watson A. The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis / Adam Watson. – London: Routledge, 1992. – 337 p.
65. Wight M. Systems of States / Martin Wight. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – 232 p.
66. Ziegler K.-H. Der Westfälische Frieden von 1648 in der Geschichte des Völkerrechts / Karl-Heinz Ziegler // 350 Jahre Westfälischer Friede: Verfassungsgeschichte, Staatskirchenrecht, Völkerrechtsgeschichte / Hrsg. von Meinhard Schröder. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – S. 99–117.
67. Ziegler K.-H. Die Bedeutung des Westfälischen Friedens von 1648 für das europäische Völkerrecht / Karl-Heinz Ziegler // Archiv des Völkerrechts. – 1999. – Vol. 37. – S. 129–151.

**Dorofiev D. V. The genesis of the Usa Foreign Policy before 1776: the Westphalian system of International relations**

The article analyzes the genesis of the USA foreign policy before to the independence on the July 4, 1776 in the frame of the Westphalian system of international relations. It was found that the «European model» created the foundations of the United States foreign policy system: the foreign policy europocentrism; obstruction of the establishment of dominance of any state in North America; the state monopoly on ownership of the foreign policy instruments; the failure of hierarchical control of European powers; the mechanism of ratification of international treaties by representative bodies; anonymity at the conclusion of international agreements; detalization of the deadlines in conclusion of treaties with foreign countries; reducing the influence of the religious factor on the formation and implementation of foreign policy, as a consequence of the process of the secular state development; the recognition of the illegitimacy of the foreign influence on the internal processes; development of permanent diplomacy; the principle of territoriality in foreign policy; participation in multilateral conferences as the mechanism of realization of interests; the formation and observance of state interests; the use of alliances; the creation and maintenance of a positive image of the state in the international environment; the use of the principle of the balance of power in foreign policy; maintenance of international law; understanding the importance of boundaries in the protection of state interests and the creation of an absolute sovereignty within the state; participation in the competition for economic markets and controlling over land and sea communications; the development of sea power.

**Keywords:** the Genesis of U.S. foreign policy, the Westphalian system of international relations, Europe, XVI – XVIII centuries.